

12+

ΑΓΑΕΒΑ Σ.Α.

ΑΗΛΑΡ

С. А. Агаева

Анар

«Издательские решения»

Агаева С.

Анар / С. Агаева — «Издательские решения»,

«Анар» — книга о любви, памяти и выборе жить. Это история человека, который сумел окончить университет, создать семью, стать любящим мужем и отцом, работать, поддерживать близких и сохранять чувство собственного достоинства до конца своих дней. Книга написана матерью. В ней нет вымысла и попытки приукрасить прошлое — только воспоминания о сыне, о семье, о силе характера и о жизни, которая продолжается даже тогда, когда кажется, что всё потеряно.

© Агаева С.

© Издательские решения

Содержание

РОЖДЕНИЕ	6
ОЖИДАНИЕ	7
НОГИ	8
ГЕНЕРАЛ	9
СОКРОВИЩА	10
КУЛАКИ	11
КРУГ	12
ИНЖЕНЕР	13
ГРЕЦИЯ	14
РЕВИЗОР	15
ЗАЩИТНИК	16
ПРИГОВОР	17
ТОРНАДО	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Анар

С. А. Агаева

*Есть люди, чьё отсутствие слышно громче любого
присутствия.
АНАР*

© С. А. Агаева, 2026

ISBN 978-5-0070-7372-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

РОЖДЕНИЕ

Врачи говорили, что он родился удивительно легко.

— Какой красивый мальчик.

— И какой спокойный.

— Хорошим будет сыном.

Тогда я еще не понимала, насколько пророческими окажутся эти слова. Для врачей «хороший сын» означало одно. Для меня — совсем другое.

Он действительно был спокойным. Но не слабым. В нем с самого детства было внутреннее достоинство. Есть дети, которых воспитывают. А есть дети, которые будто уже приходят в мир с готовым характером. Он был именно таким. Я замечала это в мелочах: в том, как он смотрел людям в глаза, как молчал, когда другие оправдывались, как умел держать слово.

ОЖИДАНИЕ

В первый день я отвела его в детский сад и опаздывала на работу. Воспитательница отвлекла его игрушкой, и я быстро вышла, почти убежала. Я весь день думала о нём и в пять часов побежала забирать.

Когда я вошла в группу, он сидел на маленькой табуретке напротив двери. Он почти спал. Мне сказали, что он просидел там весь день и ни разу не ушёл играть. Он ждал, когда я вернусь.

Это было первое ожидание в его жизни.

НОГИ

Я мыла полы. Он вбежал с улицы — ему было лет пять или шесть.

— Не заходи с грязными ногами! — сказала я.

Он остановился на пороге и посмотрел на меня серьёзно:

— А как мне снять ноги?

ГЕНЕРАЛ

В детстве ванна превращалась в океан. Там плавали утята, самолетики. Я сооружала ему из густой белой пены погоны на плечах и высокую корону на голове.

— Смотри, ты настоящий генерал! — говорила я, и он замирал, выпрямлял спину, принимая эту игру с полной серьезностью.

Прошло пятнадцать лет. В нашей жизни многое изменилось. Но когда родился младший, Дениз, я увидела чудо возвращения. Анар, уже взрослый, сидел рядом, когда я купала малыша. Его руки с удивительной нежностью подхватывали облако пены и бережно опускали его на крохотные плечи братика.

— Смотри, братишка, какой ты генерал...

В этот момент я поняла: всё, что мы вкладываем в детей, не исчезает. Оно продолжается дальше.

СОКРОВИЩА

Анару было лет восемь. У каждого мальчишки того времени была своя святыня — коробка с игрушками из «Киндер-сюрпризов». Он собирал их долго, бережно, гордился каждым редким фрагментом, каждой фигуркой, добытой из шоколадного яйца. Это была его личная сокровищница.

Помню, к нам пришли друзья с пятилетним сыном. Малыш, уходя, тайком сжал в кулаке одну из фигурок. Заметили. Мама стала ругать его, требовать вернуть, мальчик покраснел, съёжился от стыда...

И тут мой восьмилетний Анар сделал то, чего я не ожидала. Он не стал забирать свое. Он посмотрел на пристыженного ребенка, на его загоревшиеся глаза, вынес всю коробку. Всю. И протянул мальчику.

— Забирай всё.

Все молчали.

— Но это же твои игрушки... — растерянно сказала женщина.

— Я уже вырос из них. Мне учиться надо, — ответил Анар.

КУЛАКИ

Ему было лет десять. Мы шли по улице. Двое взрослых мужчин что-то сказали мне вслед. Ничего грубого — скорее комплимент. Но Анар мгновенно вырвался вперед:

— А ну повторите, что вы сказали!

И с кулаками бросился на двух взрослых мужчин.

Картина была настолько неожиданной, что они растерялись и начали... извиняться. До сих пор улыбаюсь, вспоминая, как два огромных мужчины просили прощения у десятилетнего мальчика.

КРУГ

Позже среди бумаг Анара я нашла пожелтевшую грамоту по греко-римской борьбе. Глядя на неё, я снова оказалась в том душном кабинете директора школы. Седьмой класс. Семь обвиняющих взглядов и один — его. Спокойный, почти отстраненный.

На Анара смотрели как на агрессора, на «борца», который не рассчитал силу. Мамы «пострадавших» требовали расправы, а мой сын молчал. Он стоял и молчал, но в его молчании было больше достоинства, чем во всех криках взрослых. Я видела его волнение по дыханию, чувствовала эту несправедливость кожей. «Почему ты молчишь, сын?» — кричало всё внутри меня. А он просто выслушивал эти крики и обвинения. Он не оправдывался, глаза блестели от слез, но он не проронил ни единой капли.

И когда дверь распахнулась, его одноклассники ворвались внутрь, и Катя, пряча глаза, рассказала о том «круге», из которого Анар её вытолкнул, приняв удар на себя... мир в кабинете перевернулся. Педсовет извинялся. Учителя прятали взгляды. Анар принимал эти извинения так же спокойно, как и обвинения.

ИНЖЕНЕР

Мой вход в его комнату всегда был осторожным. Я знала: за этой дверью физика перестает быть параграфом в учебнике и становится живой стихией.

Стоило мне нажать на ручку, как механизмы приходили в движение. Натянутые шпагаты, сложная система противовесов — и вот уже самодельные машинки послушно катятся по своим невидимым трассам. Но самым главным был момент, когда из угла, едва не задев мою макушку, вылетал его очередной летательный аппарат.

— Получилось! Мама, смотри, эксперимент удался!

Его восторг был заразительным. Он не просто учил стихи или решал задачи по физике — он приручал пространство. Ему всегда хотелось понять: «Как все устроено? И как заставить это летать?».

Я стояла, пригнувшись, и смеялась вместе с ним. Тогда я еще не знала, что наступит время, когда нам придется искать новые способы «летать», когда движения тела станут невозможны, но та самая инженерная мысль и радость от удавшегося эксперимента останутся его главной опорой.

Помню, как однажды мы затеяли с ним реставрацию нашего старого кухонного уголка. Вдвоем, только он и я. Мы часами возились с инструментами, спорили, подгоняли детали, красили. Каждое движение его рук было точным и выверенным. Когда всё было закончено, мы долго сидели на кухне и радовались результату нашего общего труда. Уголок стал идеальным.

ГРЕЦИЯ

Ему было пятнадцать. Последнее лето перед тем, как мир разделился на «до» и «после».

Мы поехали в Грецию к друзьям. Анар мгновенно и безоговорочно влюбился в эту страну — в её прозрачный, соленый воздух, древние камни и бесконечную синеву. Это было время абсолютной, ничем не омраченной свободы. Я закрываю глаза и до сих пор вижу этот кадр, залитый ярким средиземноморским солнцем: мой высокий, здоровый мальчик, смеясь, гоняет стаи голубей на площади, шумно ныряет в теплые морские волны, ест мороженое, которое тает на солнце быстрее, чем он успевает его слизывать.

В его движениях тогда было столько легкой, молодой силы, столько уверенности в завтрашнем дне. Он просто жил, дышал на полную мощность и радовался каждому мгновению.

Воспоминания о тех греческих днях до сих пор волнуют и радуют меня. Они остались в моей памяти как островок вечного, недостижимого лета, где мой сын — абсолютно счастлив, абсолютно свободен и у его ног лежит весь мир.

РЕВИЗОР

Учеба давалась Анару легко, без зубрежки. Он с удовольствием участвовал в школьных спектаклях. До сих пор помню его в роли Хлестакова в гоголевском «Ревизоре». Накладные бакенбарды, накладной живот, длинный монолог, выученный наизусть. Голос, мимика, жесты — все было настолько убедительно, что казалось, на сцене играет настоящий актер. После спектакля под впечатлением остались и учителя, и родители.

ЗАЩИТНИК

Они с сестрой учились в одной школе. Стоило мне рассердиться на Лами, как Анар мгновенно вырастал на моем пути. Он заслонял сестру собой, смотрел на меня своими огромными глазами и твердо говорил: — Мама, она тут ни при чем. Это я виноват.

Шли годы, но ничего не изменилось.

Он по-прежнему оставался ее защитником. Провожал на вечеринки, решал за нее задачи по физике и алгебре. А когда они стали взрослыми, Лами уже сама шла к брату за советом. Он никогда не давил, не поучал. Спокойно выслушивал, рассуждал, объяснял. Некоторые вещи она доверяла только брату.

ПРИГОВОР

Наша жизнь была прямой и понятной. Анар бегал, играл в футбол, строил планы, в которых болезнь не была предусмотрена.

Первая трещина в этой идеальной картине появилась незаметно. Сначала это была просто «подростковая неуклюжесть». Мы списывали это на рост. «Перерастет», — говорили знакомые. Но материнское сердце чувствовало беду. Я видела, как его походка теряет ту легкую уверенность, которая была раньше. Линии его движений стали ломаными.

В 16 лет прозвучало страшное слово: «Предположительно...». Врачи говорили туманно, отводя глаза. Мы жили в ожидании приговора, и это ожидание было страшнее самой болезни. Мы пробовали всё: массажи, обследования, молитвы. Через каких только шарлатанов нам ни пришлось пройти. Мы хватались за все. Но биологические часы уже запустили свой обратный отсчет.

Когда это случилось — окончательно и безоговорочно — мир вокруг нас словно замер. Ему было семнадцать. Возраст, когда нужно бежать навстречу жизни, а он... он взял в руки ходунки. Он смотрел на них со злостью, кричал, зачем я купила их, говорил, что не собирается становиться беспомощным. Несколько дней вражеские ходунки стояли в стороне. Однажды он попросил пододвинуть их. Мой высокий, статный мальчик повис всем телом над этими ходунками.

И пошел. Весь институт он преодолел на ходунках, упорно отвоевывая у пространства каждый метр.

Перелом случился в другой стране, во время реабилитации после диплома. Чтобы успевать на процедуры, чтобы не тратить драгоценные силы на борьбу с длинными коридорами, он пересел в коляску. Мы оба верили в то, что это временно. Но жизнь распорядилась иначе: временное стало постоянным.

Однажды я выкатывала его из дома и на пороге не рассчитала уклон. Коляска качнулась, и в следующую секунду мы оба летели на землю. Глухое падение, пыль, тишина. Я увидела его перепуганное лицо, и в сердце кольнул ледяной ужас. Но в тот же миг внутри что-то щелкнуло. Мы начали смеяться.

Мимо проезжал огромный автомобиль. Молодые, здоровые парни за стеклом смотрели на нас как на умалишенных: на земле валяются женщина и парень в перевернутой коляске и хохочут. Они затормозили, подбежали на помощь... А мы не могли остановиться. Сын знал эту мою особенность. В самый страшный момент у меня мог начаться приступ смеха. Мы часто вспоминали тот случай. Больше я никогда его не роняла.

Нашей основной целью было приостановить течение заболевания, не дать ему прогрессировать. Смирились ли мы? Не стану врать — конечно же, нет. Мы искали пути к выздоровлению. По-разному. По-своему. Нам не дано повлиять на срок, отпущенный на Земле, но качество жизни в наших руках. И я поклялась себе, что сделаю все для того, чтобы мой мальчик был счастлив.

ТОРНАДО

Говорят, что между детьми с разницей в пятнадцать лет лежит пропасть. Но в нашем доме Анар построил через эту пропасть мост.

Сначала в нашем доме были только одни быстрые ноги — ноги Анара. Потом эти ноги затихли. Появились колеса. А затем в эту тишину ворвался топот маленького Дениза.

Разница в пятнадцать лет сделала этот звук почти болезненно звонким. Пока Анар молча сидел в своем кресле, Дениз кружил вокруг него, как маленький спутник вокруг планеты. Я наблюдала, как Анар смотрит на бег брата. В его взгляде не было зависти — в них было любованье. Он словно проживал этот бег заново через Дениза.

Дениз не признавал тишины, в которой Анар иногда пытался укрыться от усталости. Малыш забирался на кровать, стягивал одеяло, теребил волосы — он требовал, чтобы брат вернулся в его мир, мир игры и движения. Анар смотрел на Дениза и видел в нем не просто младшего братишку, а продолжение себя — того, который еще может бегать. Анар стал для него и другом, и братом, и примером.

Я часто замирала в дверях, наблюдая, как они общаются. Анар руководил «операциями» Дениза: как собрать сложный конструктор, как решить задачу, как постоять за себя. Он не читал лекций. Он просто был рядом, хотя уже давно вырос из игрушек, но готов был играть в них ради брата.

Но однажды эта игра едва не обернулась бедой. Грохот обрушившейся мебели разрезал тишину в доме. Тяжелый шкаф рухнул неожиданно. Анар, который в те дни каждый шаг делал как последний подвиг, преодолевая сопротивление собственного тела, вбежал в комнату первым. Он стоял среди руин — полстенки внизу, — и не видел Дениза.

— Дэнька! — этот крик был громче любой физической боли.

Оказалось, маленькое чудо произошло благодаря железу. Непоседа Дениз, прыгая с полки на полку, успел юркнуть под велотренажер Анара. Тот самый тяжелый, угрюмый тренажер, у которого старший брат проводил часы, сражаясь за свои ноги, принял удар на себя. Крепкий металл выдержал вес шкафа, создав для ребенка безопасный кокон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.